

**МЕМУАРНЫЕ КНИГИ «РУССКИХ ИНОСТРАНЦЕВ»
(В. НАБОКОВ «ДРУГИЕ БЕРЕГА», П. УСТИНОВ «О СЕБЕ
ЛЮБИМОМ»)**

Среди обширного корпуса мемуаристики особое место занимают книги В. Набокова и П. Устинова, как маргинальное явление в литературе, обусловленное рядом причин: национальным происхождением писателей, их самоощущением в качестве «граждан мира», и как следствие – совмещением русского и европейского аспектов в созданных ими текстах.

Русский вариант набоковских мемуаров создан после воспоминаний на английском языке («Conclusive Evidence»). Сам писатель указывал на разницу обеих книг: «...Русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо» [1, с. 134]. Наличие разных литературных версий одного содержания – очевидное доказательство маргинальности этого произведения, включенного в русскую и мировую культуру.

В своих воспоминаниях оба писателя соотносят тему России с мировым контекстом, что отчасти имеет место и в других мемуарах (например, русских эмигрантов или в книге И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», автор которой значительную часть времени провел в Европе и поездках по миру). Однако при этом четкая принадлежность к русской литературе осознается самими авторами, что делает их сочинения национально ориентированными, предназначенными в первую очередь для русского читателя. В случае В. Набокова и П. Устинова понятие национальной принадлежности оказывается размытым: память о национальных истоках сохраняется, подпитывает творческую потенцию, но «русское» включается в сферу «мирового, общечеловеческого» более органично, без акцентированной национальной поляризации.

Степень принадлежности к России обоих писателей неодинакова, а следовательно, и русская тема в их книгах освещается по-разному. В. Набоков провел детство и раннюю юность в России и, несмотря на привходящие национальные влияния (воспитание на английский манер), сохранил живую память о ней. Россия вошла в его сознание, формировала его личность, русский язык надолго стал инструментом его творчества. Поэтому «Другие берега» – книга прежде всего о России, открывшейся взгляду ребенка, подростка, юноши. Это личное, глубоко индивидуальное

восприятие через обстановку и быт в петроградском доме, в имениях Выра и Рождествено, через воспоминания о близких и любимых людях, через сопричастность русской истории, постепенно приобретающей все более грозный характер. П. Устинов связан с Россией опосредованно – через предков. Эта страна для писателя предстает в отражении их воспоминаний и в собственных беглых впечатлениях. Если для В. Набокова Россия – важный этап собственной жизни, то для П. Устинова – отличительная подробность его биографии. Все это определенным образом отражается в мемуарах.

Книга В. Набокова пронизана мыслью о России. Не случайно незримой спутницей писателя становится богиня памяти Мнемозина, мыслью к которой он неоднократно обращается. Писатель стремится быть предельно точным, принципиально не желает нарушать «чистый ритм Мнемозины». Он исключительно внимателен к именам, деталям, подробностям. Обстановка родительского дома, многочисленные гувернеры и гувернантки, оформление прочитанных книг, вид пойманных бабочек, даже имена лошадей и собак удержаны его памятью. Россия для В. Набокова материализуется и через природу в ее разных состояниях и объектах: облака, ландшафт, зелень, времена года.

Прошлое, Россия проступают как бы сквозь дымку времени. При всей почти осязаемой предметности связанных с ними реалий, они дистанцированы от автора во времени и пространстве. Название книги – «Другие берега» – метафора удаленности того мира, который стал объектом отражения.

Если в воспоминаниях В. Набокова, тема России развивается как основная, то в книгу Устинова вводятся мотивы России. Для Устинова эта страна – земля предков. В данном случае задействованы опосредованные биографические факторы, поэтому имеет место не воспоминание, а повествование о предыстории своей жизни, основанное на документальных свидетельствах и семейных преданиях. Причастность к России Устинов декларирует уже на первой странице: «... Зачат я был в Ленинграде, в высоком, холодном и облупившемся здании, и спустя полвека я совершил к нему благодарное паломничество» [2, с. 5]. Опосредованное отношение к стране проявляется даже в совершенной ошибке: в годы, о которых идет речь, город назывался Петроградом. Подробное изложение родословной подводит к знакомству родителей писателя в столице революционной России. Причудливые обстоятельства тех лет переданы, как очевидно, с их слов. Собственные воспоминания ограничиваются приездом мемуариста, иностранного подданного, в советский Ленинград и встречей с сестрой матери.

Подобное положение автора исключает ностальгические ноты, которые проступают в воспоминаниях В. Набокова. П. Устинов видит город глазами иностранца, к тому же чуждого политической системе в СССР. Его взгляд постоянно фиксирует черты старости, ветхости, неухоженности. «Мое такси было стареньким ЗИСом времен больших чисток: монументальное подражание старомодному Паккарду» [2, с. 33]. «Он [дом, где познакомились родители писателя – Т.С.] стоит в ряду величественных, но потрепанных городских домов на Васильевском острове» [2, с. 32]. Общение с пожилыми людьми также укрепляет впечатление распада.

Для П. Устинова Россия – одна из стран, но такая, с которой он генетически связан, поэтому русские мотивы проступают на протяжении всего повествования.

Ряд обстоятельств писатель видит сквозь призму воспринятой им русской культуры. «Мы поселились на даче в лесу и какое-то время вели дореволюционную русскую жизнь» [2, с. 67], – это о пребывании в Эстонии, где состоялась встреча с дедом по матери Леонтием Бенуа, президентом Ленинградской Академии художеств. Возможно, общение с человеком из России породило ассоциации на русскую тему. «Высокая деревянная веранда с облупившейся краской и растрескавшимися ступенями, которые стонали и скрипели при каждом шаге, казались декорацией к какой-то пьесе Чехова» [2, с. 67]. Начало работы в театре также связано с русской драматургией: «Впервые я появился <...> в роли Вафли в пьесе Чехова «Леший»» [2, с. 101]. В драматургии самого П. Устинова обыгрываются русские мотивы (пьеса «Романов и Джульетта»). К русскому искусству он приобщается через профессию актера, драматурга, режиссера. Отсюда интерес к тому театральному наследию, которое стало международным достоянием – к А. Чехову, системе К. Станиславского. Русский аспект воспоминаний усиливается информацией о знакомстве с русскими эмигрантами: Мурой Будберг, В. Набоковым. Будучи потомком людей многих национальностей, впитав разные национальные влияния, П. Устинов, по его словам, «создал свою собственную нацию» [2, с. 258]. При этом русский след в его душе отпечатался прочно: «...Я ощущаю свою русскость, встречаясь с русскими» [2, с. 258], «это было и остается чувством, без которого мне порой невозможно было бы жить» [2, с. 258].

В воспоминаниях обоих писателей неодинаковы как «удельный вес» русского плана, так и степень слияния его с международным опытом их жизни. У В. Набокова «русское» и «европейское» равнозначны, взаимодействуют друг с другом, причем «русское» подернуто налетом ностальгии, а «европейское» лишено выраженной эмоциональной окраски.

Россия и Европа – таково географическое пространство «Других берегов». Петербург, родовые имения – через них постигается Россия. Франция, Германия, Англия – координаты европейского бытия автора. Уже в детстве В. Набоков своего рода русский англичанин. «В обиходе таких семей как наша была давняя склонность ко всему английскому» [1, с. 173], – отмечает он. Даже предметы повседневного обихода были английского происхождения: «... и кексы, и нюхательные соли, и покерные карты, и какао, и в цветную полоску спортивные фланелевые пиджаки...» [1, с. 174]. Начальное образование велось на английском языке. «Я научился читать по-английски раньше, чем по-русски» [1, с. 174]. Вхождение в мир английской культуры связано с персонажами английской грамматики: «Первыми моими английскими друзьями были незамысловатые герои грамматики Ben, Dan, Sam и Ned» [1, с. 174]. Память писателя на всю жизнь сохранила содержание и даже внешний вид английских книг, прочитанных ему или им в детстве. Первые литературные опыты В. Набокова полиязычны: английские и французские выражения попадают в его русские сочинения. Отголоски такого полиязычия проступают и в мемуарах, где встречаются галлицизмы и английские слова. Так, вместо русского «завтрак» употребляется «брекфаст» и даже производный от него русско-английский глагол «побрекфастать».

Однако «международное детство» с атрибутами английского быта и культуры, периодическими поездками за рубеж проходит в условиях русской действительности. Обнаружив, что по-русски, кроме слова «какао», мальчик ничего прочесть не может, отец проявляет заботу о его более разностороннем образовании. «При переходе... в отрочество, англичанок и француженок постепенно стали вытеснять отечественные воспитатели и репетиторы...» [1, с. 223]. Двойственность бытовой жизни, когда на «деревенском масле намазанный русский черный хлеб» [1, с. 174] накладывается английский сироп, дополняется разнонаправленностью культурных влияний и жизненных впечатлений. Во время обучения английской грамматике за окном виднеются русские поденщицы, которые выпалывают садовые дорожки. А младший садовник вдруг начинает напоминать таинственного героя этой грамматики Ned'a. Значительное место занимают перечисления и развернутые характеристики английских, французских, русских гувернеров и учителей. Результативность их педагогического воздействия была разной, но каждый из них нес в себе ментальность своей нации, которая оказывала ненавязчивое, естественное воздействие на их воспитанника.

Несмотря на отчетливо выраженную «европейскость», начальные годы эмиграции в отражении писателя как бы теряют свое самоценное значение,

окрашены «животной тоской по еще свежей России» [1, с.286]. Может быть, отсюда скептическое отношение к периоду пребывания в Кэмбриджском университете.

Взгляд В. Набокова можно оценить как объективный, сопоставив его книгу с воспоминаниями П. Устинова, пронизанными иронией по отношению к английским учебным заведениям, к армейской системе, к налоговой политике в Англии. Мышление П. Устинова лишено национальной ограниченности. Он использует возможность приобщиться к разным культурам (живет и работает в Англии, США, Франции, Швейцарии, России), осваивает образ жизни, принятый в данной стране. Так формируется картина мира, открывшегося автору.

Обе мемуарные книги являют пример интеграции национального в мировое пространство. Совмещение национальных планов создает особый эффект многомерности человеческого бытия, демонстрирует многообразие реализации возможностей человека в социальных и творческих отношениях, т.е. вероятность осуществления разных вариантов жизни в пределах своей судьбы.

Все это предопределяет жанровую специфику воспоминаний «русских иностранцев», когда прошлое окрашено в разные национальные цвета, когда чередуются разные национальные аспекты, соотнесенные с биографией писателя, либо осуществляется их наложение друг на друга. Многообразие национальных планов расширяет границы мемуаров, превращает небольшую повесть в масштабное эпическое полотно, вбирающее в себя жизнь автора, судьбы сопутствующих ему людей, историческую действительность. Отличительной жанровой особенностью подобного рода мемуаров является усложненная композиция как сюжетной организации воспоминаний, так и самого текста. Одновременно усложняются и пространственно-временные координаты, когда хронотоп охватывает разные национальные планы мемуарного повествования. При этом обогащается проблемно-тематический уровень произведения, возникают вопросы взаимодействия в действительности и в сознании автора разных национальных пластов. Сам мемуарист предстает как разносторонняя личность, открытая восприятию культурных, бытовых, исторических проявлений национального бытия.

Литература

1. Набоков, В. Собр. соч.: в 4 т. / В. Набоков. – М.: Правда, 1990. – Т.4.
2. Устинов, П. О себе любимом / П. Устинов. – М.: Захаров-АСТ, 1999.